

С ПОЗИЦИЙ ГУМАНИЗМА

Свое гастролью в Киеве Московский драматический театр открыл спектаклем «Жизнь человека». Название не случайное. Главным героем пьесы В. Максимова бывший уголовник Сергей Царев оставляет жизнь после сложнейшей операции. Таков финал драмы. Но в словах «жизнь человека» заключен иной — более глубокий и более обобщенный смысл. Человек жила лишь тогда, когда его дела, мысли, чувства освящены благородной целью; когда в самых тяжелых условиях он остается верным своему высокому долгу, протягивает в несчастную руку помощи другим и готов ради общего блага жертвовать собой.

Такие люди и принесли спасение Цареву. Спасение физическое и нравственное. Учителями жизни для него отныне станут те озлобленные отщепенцы, бывшие лейб-гвардейские прощальники Альберты Ивановичи; не фашистские прислушники-довосники, не растленные подонки из уголовного йира, а простые, скромные, честные наши люди. Такие, как молодой парень Николай, отправившийся в лихую таежную поездку за врачебной помощью Цареву, самоотверженный доктор Иван Антонович, преисполненный ослеплением ради спасения жизни больного, трогательная медсестра задохнутой больницы Сима, сиделка Силова, девушка Галя и многие другие, поставившие на ноги совершенно неизвестного им человека. И делавшие с Сергеем мучки гиллеровского плена советские воины. И тот, удивительного сердца старый коммунист Семен Семенович, что подставил голову под вражьи пули, лишь бы собрать в пилотки несколько капель дождевой воды для умирающего от малярии Сергея.

Спектакль «Жизнь человека» овеян гуманизмом, он несет в себе большую воспитательную идею. Но беда в том, что идея эта утверждается, говоря языком математика, «доказательством от противного» — на судьбе изломанного и опустошенного человека, рассматривающего действительность с точки зрения звериной философии преступного мира. В этом, мне кажется, явная слабость пьесы. Теме спектакля звучала бы куда вернее, сильнее, если бы в центре драматического повествования находился положительный, а не ущербный герой.

Надо отдать должное, прежде всего, постановщику спектакля А. Гончарову и художнику П. Белоу, много сделавшим, чтобы ключевая, фрагментарная, удавшаяся пьеса получила яркую, впечатляющую сценическую жизнь. В этом спектакле наиболее ярко сказались художественные поиски наших московских гостей, стремившихся к обостренному раскрытию замысла произведения. С этой целью эффективно использовались старые и новые сценические средства (свет, звук, магнитофон, радио и прочее). Свет часто заменяет материальную декорацию, а возможности театра тени используются, пожалуй, даже чересчур щедро, порой превращаясь в образец.

Спектакль в целом смотрится с интересом. Он свидетельствует о режиссерской изобретательности и мастерстве многих исполнителей. Тут прежде всего хочется сказать об актрисе Л. Сухаревской. Созданный ею образ молодой, лишенной личного счастья, доброй, разумной, отзывчивой женщины, покоряет внутренним благородством, человечностью, действующей на больных не менее эффективно, чем радикальное врачебное вмешательство.

Хорошего, доброго слова заслуживают и другие артисты — М. Андриянова, Н. Никонова, А. Ширшов, Б. Кудрявцев, Л. Броневой, убедительным рисующим своих персонажей. Трудную роль Сергея Царева играет молодой, способный актер А. Грячев. В этом спектакле он достиг, пожалуй, наибольших творческих успехов — прежде всего, предельно искренней манерой исполнения. В других

На спектаклях Московского драматического театра

своих работах (а актера занимают часто) он несколько повторяется: видишь одни и те же позы, жесты, мимику. Исполнителю следует глубже, как говорил Шекспир, влезать в кожу образа, а не поднимать персонаж под свои данные и являющиеся приемы.

Гуманистический мотив спектакля «Жизнь человека» как бы является идейно-творческой программой театра. Разве, скажем, в «Матери» Карела Чапека не звучит тот же призыв — быть максимально полезным обществу? Ведь и здесь идет возволенный разговор о ценности человеческой жизни, и здесь утверждает ее достоинство тех, кто верно исполняет свой гражданский долг.

Мысли об утверждении лучших духовных и нравственных качеств людей, о борьбе за человеческое достоинство по-своему выражены и в одном из давних и значительнейших спектаклей театра — «Вид с моста» прогрессивного американского писателя Артура Миллера.

Эти же мотивы слышатся и в пьесе советского журналиста Г. Воропана «Ночь в отеле», воспринимавшей довольно типичный случай из нынешней международной действительности. Среди буржуазных журналистов — свидетель нагой провокации империалистов — нашлись честные люди, отказавшиеся поддерживать ложь заокеанской вооруженной. Смерть одного из них, Бен Моргана, — это плата за скромное желание остаться честным и независимым.

Даже в незамысловатой комедии «Свадьба брачного афериста» чешского драматурга Олдриха Давека отстаивается общественная полезность человеческого существования.

Случалось так, что из показанных спектаклей наиболее значительными и интересными оказались постановки зарубежной драматургии. И среди них «Мать» Карела Чапека. Искусная ожидает постановщиков этой легкой пьесы, являющейся, кстати,

продолжением многих современных произведений, в которых участвуют помимо живых героев и условные фигуры — образы погибших. Как ставить, как играть подобные вещи? Одни ударяются в мистику, другие — в мелодраму, третьи увлекаются натуралистическим бытоизмом, Театр нашел свое, думается, правильное решение.

Л. Сухаревская — артистка, умеющая одевать своих героинь в тонкие лирические одежды, придавать образу Матери и прекрасную женственность, и глубокий драматизм. Он живет в образе Матери и тогда, когда она напряженно ожидает счастья; и тогда, когда получает трагические вести о смерти сыновей; и тогда, когда вступает в страстный поединок с незримой радиодикторшей; и тогда, когда, обесцененная доказательствами мертвецов, в том числе и справедливого Дедушки, сама дает ружье в руки своего последнего юного отпрыска. Сколько неподдельного трагизма в скорбных взглядах, молящих руках, во всей трепетной фигуре Матери. Простота, естественность, подлинное сценическое изящество — вот чем отличается работа Л. Сухаревской.

Впрочем, простота и естественность — характерные черты всего спектакля (постановка С. Баркана). Это особенно отдало отметить в связи с исполнением ролей сыновей. Разговоры Матери с погибшим мужем и сыновьями воспринимаются во всей своей условной натуральности. Так играют и другие актеры, в частности, исполнитель роли Отца Б. Тенин. Его герой в меру мужествен и сдержан, brave солдат по всему своему мышлению, речи и поведению. Однако в одном месте (реплика «В мои годы больше всего было убитых») нарушается правильная тональность роли, и тогда возникает неточная реакция в зрительном зале.

«Мать», несмотря на трагизм своего содержания, по своей образной системе, наиболее спокойный, даже вроде бы традиционный спектакль, чем несколько выпадает из общего строя последних постановок — часто озорных, беспокойных, преднамеренно асоциальных.

После прошлых гастрелей в Московском драматическом театре явно наметилось сдвиги и в формировании репертуара, и в конструировании труппы, и, самое главное, — в выборе средства сценического выражения. Театр ищет свою пьесу. Не всегда ему сопутствуют в этом удачи. Вот и сейчас советская драматургия представлена не лучшими образцами. Театру полезно об этом напомнить. А те его могут ввести в заблуждение некоторые полные елей и славолюбия рецензии; рожденные неверно понятым чувством гостеприимства!

Театр обладает сильными актерскими кадрами. Выделяется группа способной молодежи. В показанных киевлянам спектаклях участвуют интересные актеры индифференциальности. Искусным мастером, в частности, показал себя также Л. Броневой, остро и темпераментно сыгравший роль Алонза Клапачека в «Свадьбе брачного афериста». В. Жуковская, Л. Богданова и другие.

Все это дает основание надеяться, что к следующей нашей встрече творческая программа театра будет воплощена в новых, еще более ярких спектаклях. И что среди них будет больше спектаклей, посвященных людям Страны Советов, творцам коммунизма.

Николай КИСЕЛЕВ